

УДК 811.161.1'373.611

Л. А. Медведева

О ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАХ «ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ – НАРЕЧИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются семантические отношения в словообразовательных парах с прилагательным и наречием на –о в современном русском языке с точки зрения направления смысловой мотивации. В отличие от традиционного описания лексические значения членов пар признаются близкими, но нетождественными. Их сопоставление с учетом соответствия / несоответствия категориальному значению «признак предмета» или «признак действия» дает основания для разграничения пар с противоположным направлением семантической мотивации.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, словообразовательные пары «прилагательное – наречие», семантическая мотивация.

DOI 10.34079/2226-3055-2020-13-22-203-213

Постановка проблемы. Основной характеристикой словообразовательных связей между словами является их двусторонний характер, то есть связь и по линии формы, и по линии содержания. Данный тип отношений преимущественно реализуется в большей сложности – и формальной, и семантической – производного слова по сравнению с производящим. Однако наряду с классическими случаями производности в современном русском языке представлены и такие, когда однозначной параллельности указанного типа не наблюдается. Это осложняет задачу их адекватной и непротиворечивой интерпретации. Сказанное, в частности, относится и к связям родственных прилагательных и наречий на –о, хотя на первый взгляд этот вопрос кажется легко решаемым и давно решенным. Как известно, в традиционных описаниях русского словообразования пары типа *острый – остро, быстрый – быстро* относят к синтаксической деривации и рассматривают как состоящие из слов разных частей речи, имеющих тождественное лексическое значение. На этом основании вопрос о направлении семантической мотивации в таких парах не ставится, а производными признаются наречия по причине их большей формальной сложности. Такого рода описание представлено в академических грамматиках, работах по теории словообразования (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, И. С. Улуханов, И. А. Ширшов и др.), специальных исследованиях по отадъективной деривации (В. В. Волков, Е. И. Гинзбург, Л. П. Клобукова и др.). Между тем принятый за аксиому тезис о тождестве лексических значений прилагательного и наречия препятствует дифференциации словообразовательных пар с различным характером семантических связей.

Анализ последних исследований и публикаций. К исследованиям последних лет, в той или иной степени связанным с темой данной статьи, могут быть отнесены, во-первых, те, в которых получают дальнейшую разработку теоретические аспекты словообразовательной производности, и в частности специфика синтаксической деривации в её связях с теорией частей речи, – работы Ю. П. Князева [3], Е. С. Кубряковой [4], И. С. Улуханова [16] и многие другие. Во-вторых, следует назвать исследования, в которых под тем или иным углом рассматриваются

словообразовательные пары «прилагательное – наречие» или характеризуются слова соответствующих частей речи. Это работы, посвященные 1) отадекватному словообразованию, и в том числе транспозиционным категориям, – Н. В. Белова [1], М. Б. Ташлыкова [14]; 2) семантике и коммуникативным свойствам прилагательных и наречий – Г. И. Кустова [5], Ф. И. Панков [9], М. В. Филипенко [17], отдельные разделы в «Коммуникативной грамматике русского языка» [2]; 3) соотношению наречий и предикативов – А. Б. Летучий [6], А. В. Циммерлинг [18] и др. Укажем также работу обобщающего характера Н. Н. Медынской, посвященную семантико-грамматической дифференциации признаков слов в украинском языке [8]. Упомянутые и многие другие современные исследования свидетельствуют о том, что расширение анализируемого материала, новые ракурсы его изучения и соответствующие результаты позволяют углубить представления о содержательной стороне деривации и дериватов. Сказанное, на наш взгляд, относится и к словообразовательным парам, включающим прилагательное и наречие.

Цель статьи – обосновать необходимость дифференцированного подхода к анализу семантических отношений в парах «прилагательное – наречие на –о» и показать наличие в их составе пар с противоположным направлением смысловой мотивации. В качестве адвербиального компонента рассматриваются «классические», приглагольно-обстоятельственные, наречия.

Изложение основного материала. В исследованиях по теории словообразования и в описаниях словообразовательных подсистем разных языков термины «словообразовательная мотивация» и «словообразовательная производность» обычно употребляются как синонимические; при этом указывается (или подразумевается), что понятие «мотивация» больше обращено к содержательной стороне словообразования (Е. А. Земская, О. П. Ермакова, Е. С. Кубрякова, Н. А. Янко-Триницкая). Встречаются и другие толкования соотношения данных понятий, в частности, например, И. С. Улухановым признается целесообразным для описания словообразования в диахронии использовать понятие «производность», а в синхронии – «мотивация» [16, с. 9]. На наш взгляд, исключать из теории синхронного словообразования и практики его описания понятия «производность», «производное» и «производящее» всё-таки нелогично, ведь словообразование это и есть словопроизводство, или производство слов – и не только в аспекте действительного образования одного от другого (т. е. в диахронии), но и в аспекте актуального для определенного периода существования языка представления формально-семантических связей между родственными словами (т. е. в синхронии). Тем более, что для огромной массы слов оба эти аспекта совпадают. В случае же их расхождения можно говорить о синхронной и диахронической производности, как это и делается в исследованиях по историческому словообразованию, смыкающемуся с этимологией.

В соответствии со сказанным считаем, что понятие «производность» и по отношению к современному русскому языку отражает обе стороны (и формальную, и содержательную) словообразования, а понятие «**мотивированность**» в первую очередь связано с его семантическим аспектом, если исходить из того, что словообразовательная **мотивация** – это отражение в деривационной структуре производного слова **мотива** выбора производящего. Собственно говоря, такая логика и приводит к более распространенному пониманию отношений семантической мотивации между членами словообразовательной пары (непосредственно связанными и по форме, и по содержанию) как выводимости значения одного слова через значение другого. В этом смысле в данной статье и говорится о направлении семантической мотивации.

Как уже отмечалось, члены пар «прилагательное – наречие на –о» уравнивают по лексическому значению и относят к области транспозиции, как и пары «глагол – существительное со значением отвлеченного действия» и «прилагательное – существительное со значением отвлеченного признака». Однако при этом аргументация направления производности (в другой терминологии – мотивации) различна. Ср. в «Русской грамматике»: «При тождестве всех компонентов значений слов, кроме значения части речи: а) в парах «глагол – существительное, обозначающее действие по этому глаголу» (*косить – косьба, дуть – дутье, выходить – выход, атаковать – атака*), «прилагательное – существительное, обозначающее тот же признак» (*красный – краснота, синий – синь*), независимо от количества вычленяемых в основах звуковых отрезков, мотивированным признается существительное, поскольку значения действия и признака являются общими значениями соответственно глагола и прилагательного, но не существительного; б) в паре «прилагательное – наречие» мотивированным признается слово, характеризующееся большей формальной сложностью: *смелый – смело, но вчера – вчерашний*» [10, с. 133]. Из приведенного объяснения следует, что при одинаковых исходных условиях критерии направления мотивации (производности) предлагаются различные: для двух типов пар с существительным – семантический, ведь речь идет о категориальных значениях, а для пар с наречием – формальный.

В результате применения указанного критерия практически во всех парах с прилагательным и наречием на –о (за редким исключением) устанавливается отадекватное направление мотивации (производности). Такой подход, заведомо исключающий обращение к содержательной стороне деривационных связей, не дает возможности увидеть их неоднотипность. На наш взгляд, это может быть осуществимо, если исходить из следующих принципов анализа.

Во-первых, вместо признания тождества лексических значений родственных слов разных частей речи в определенных типах деривации считать такие значения близкими, но нетождественными, ведь, как известно, первый тезис является далеко не бесспорным, и потому в серьезнейших исследованиях повторяются призывы «... разобраться именно в том, о чем свидетельствует разная форма представления «одного и того же» содержания и так ли уж тождественно оно в этих разнооформленных случаях» [4, с. 192]. Вывод о различии лексических значений родственных слов разных частей речи, согласующийся с классическим для русского (и не только) языкознания положением о единстве в слове лексического и грамматического (частеречного), дает основания для постановки вопроса о направлении семантической мотивации в словообразовательных парах любого типа.

Во-вторых, и для пар «прилагательное – наречие» может быть использован критерий соотношения в родственных словах лексической и категориальной семантики, как это делается применительно к парам «глагол – существительное со значением отвлеченного действия» и «прилагательное – существительное со значением отвлеченного признака». Идея разграничения первичных и вторичных значений у слов одной части речи или изосемических и неизосемических подклассов слов (вслед за Г. А. Золотовой [2, с. 44]), в наибольшей степени разработанная для имен, представляется плодотворной и для анализа адъективно-наречных пар. Конечно, экстраполировать указанную идею на пары данного типа явно сложнее по сравнению с парами «глагол – существительное» или «прилагательное – существительное», поскольку различия между категориальными значениями «действие» и «предмет» или «признак предмета» и «предмет» более очевидны, чем между двумя категориальными значениями признакового характера. И тем

не менее считаем возможным предпринять такую попытку, ориентируясь на то, что у прилагательных – это значение «признак предмета», а у наречий на –о в их «классическом», приглагольно-обстоятельственном, облике – «признак действия». Исходя из сказанного, можно выявить неоднотипные с точки зрения семантических связей пары. Покажем это на примере двух разновидностей пар.

Первую составляют пары следующего типа: *острый нож* – *остро наточить нож*; *тонкие ломтики* – *тонко нарезать сыр*; *толстый слой* – *толсто намазать маслом*; *ровная линия* – *ровно начертить линию*; *неровный край* – *неровно подрубить край*; *фиолетовые огни* – *фиолетово вспыхивать*; *мягкий грунт* – *мягко взрыхлить грунт*; *густая краска* – *густо развести краску*; *чистый пол* – *чисто вымыть пол*.

Какой признак называют прилагательные? – Форму, цвет, размер, характер поверхности, консистенцию и другие признаки, онтологически присущие предмету. Это означает, что такого типа лексические значения соответствуют категориальному значению части речи и, следовательно, прилагательные относятся к изосемическим словам. А какой признак называют наречия? – Будучи по категориальной семантике, морфологической форме и синтаксической функции представителями данной части речи, они в то же время не обозначают, как «положено» им по предназначению, признак самого действия, а вместо этого указывают в адвербиальной форме на связь действия с признаком предмета, называемым родственным прилагательным: *остро наточить нож* означает «наточить его так, что он *острый*»; *тонко нарезать сыр* – «нарезать так, что ломтики *тонкие*»; *огни фиолетово вспыхивали* – «вспыхивали так, что были при этом *фиолетовые*»; *мягко взрыхлить грунт* – «взрыхлить так, что он *мягкий*»; *густо развести краску* – «развести так, что она *густая*» и т. п.

Как известно, такого рода свойства некоторых типов производных слов, особенно хорошо изученные как явление номинализации (*бег мальчика* – «то, что мальчик *бежит*»), *белизна скатерти* – «то, что скатерть *белая*»), объясняются их участием в свёртывании пропозиции с производящим словом в роли предиката или его части и соответствующей ролью в тексте [см. 4; 14]. В аналогичном ключе могут быть истолкованы и анализируемые наречия, а именно: они представляют собой результат универбации (адвербиализации) пропозитивного содержания с прилагательным в функции предиката. Именно такое толкование синтаксической деривации (а не признание тождества значений производного и производящего) представляется нам более адекватным. В этом смысле синтаксическими дериватами являются и наречия в приведенных и подобных примерах. С точки зрения соотношения категориального и лексического значений они являются неизосемическими словами. Их словообразовательное значение может быть обобщено примерно следующим образом: «так, что предмет, связанный с действием, является таким». Выводимость значения наречия через значение прилагательного говорит об отадъективном направлении семантической мотивации.

Вторая разновидность пар может быть представлена примерами типа: *быстрый бег* – *быстро бежать*; *медленная езда* – *медленно ехать*; *немедленный ответ* – *немедленно ответить*; *внезапное появление* – *внезапно появиться*; *постепенный рост* – *постепенно расти*; *регулярная проверка* – *регулярно проверять*; *постоянное повышение* – *постоянно повышать(ся)*; *частые встречи* – *часто встречаться*.

Какой признак называют прилагательные в таких случаях? Будучи представителями данной части речи, они имеют категориальное значение «признак предмета», но что это за признак и какого предмета? Совершенно ясно, что в своих первичных значениях и типичном сочетании с именами отвлеченного действия такие

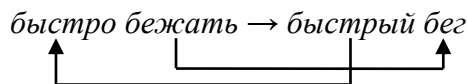
прилагательные обозначают признаки, свойственные процессу, – в данных примерах это скорость и другие характеристики действия в его связях со временем.

Рассмотрим более подробно пару *быстрый* – *быстро*. Толкование первичного значения прилагательного в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) следующее: «1. Происходящий, совершающийся с большой скоростью (о движении, действии, каком-л. процессе); стремительный. *Быстрое течение. Быстрое вращение. Быстрый бег*» [11, с. 130]. А что обозначает наречие *быстро*? По традиции оно дается и в этом, и в других словарях по принципу отсылки к прилагательному: «*Нареч. к быстрый*» [там же, с. 129]. Нетрудно заметить, что значение наречия – это и есть характеризующая часть в дефиниции прилагательного, где в роли идентифицирующего компонента выступает причастие, раскладывающееся до местоименного прилагательного и спрягаемой формы глагола с общим значением действия, признак которого и называется наречием, ср.:

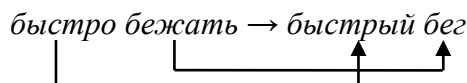
«совершающийся – как? – с большой скоростью»
«такой, который совершается – как? – быстро»

Таким образом, теперь уже лексическое значение наречия соответствует категориальной семантике своей части речи и, следовательно, слово относится к изосемическим; в то же время прилагательное выступает как синтаксический дериват и является неизосемическим словом. В соответствии с тем, что значение прилагательного выводится через значение наречия, представляется логичным говорить об отнаречном направлении семантической мотивации.

Укажем в связи с этим на противоречивость, имеющую, на наш взгляд, место в оценке словообразовательных характеристик слов в сочетаниях типа «*быстрый бег*». Ведь если *бег* выводят от *бежать*, а *быстро* от *быстрый* то получается «нестыковка», ср. в схематическом изображении:

Руководствуясь вышесказанным, считаем, что есть основания для установления векторов семантической мотивации в одном направлении:

В подкрепление к нашему мнению приведём рассуждения Г. А. Золотовой о прилагательном *быстрый* в примере *Эта быстрая езда успокоила его* (Л. Толстой): «Вопреки принятому определению прилагательных, оно не обозначает признака предмета, оно обозначает признак действия, движения (в редких сочетаниях с предметными именами – *быстрые кони, быстрые руки* – оно переносит на предмет характеристику его движения) и соотносительно с наречием: *быстро ехать – быстрая езда*. Это сигнал того, что и в классе прилагательных взаимодействие семантики и грамматики, сулящее нам новые наблюдения, обнаруживается на уровне подклассов частей речи» [2, с. 41–42].

В приведенном высказывании отметим также важность замечания о редких сочетаниях данного прилагательного с предметными именами типа *быстрые кони*. В соответствии с общепринятой диахронической картиной формирования частей речи можно считать, что первоначально признак *быстрый* был осмыслен по отношению к «настоящему» предмету – *быстрый конь, зверь, человек*, и уже впоследствии, с разграничением в сознании не только предметов и действий, но и признаков

предметов и признаков действий, скорость была осмыслена как характеристика действия, что нашло отражение в производстве наречия – *конь бежит быстро* – с последующей «обратной» мотивацией к прилагательному – *быстрый бег коня*. А поскольку значимость признака «скорость» первостепенна для процессов, то у прилагательного на первый план выдвигается значение «такой, который совершается быстро», а значение «такой, который передвигается или способен передвигаться быстро» переходит на второй план. Такое соотношение значений отражено в толковых словарях, ср. выделение в МАС в рамках первичного значения у *быстрый* – «происходящий, совершающийся с большой скоростью» (*быстрый бег*) – «оттенка» этого значения – «скоро перемещающийся в пространстве, быстроходный» (*быстрые лошади*) [11, с. 130].

Под углом установления отнаречного направления семантической мотивации небезынтересно указать и на созвучность данного вывода с анализом наречия *быстро* в исследовании Ф. И. Панкова, посвященном функционально-коммуникативной характеристике наречий, а именно: предложение выделять контекстуальную парадигму категориального класса наречий сопровождается примером парадигмы, состоящей из конструкций со словами *быстро, быстрый / быстр, быстрота*, и при этом именно наречие признается ядром, исходным словом этой парадигмы как изосемическое слово в составе изосемической изоморфной конструкции – *Юный спортсмен бежит быстро* [9, с. 17].

Аналогично паре с наречием *быстро* могут быть истолкованы и другие пары, приведенные в качестве примеров пар второй разновидности. Значения входящих в них прилагательных также формулируются при помощи причастий по формуле «совершающийся, осуществляемый, происходящий, протекающий так», где местоименному наречию образа действия соответствует значение родственного прилагательному наречия на *-о*, на что указывает и наличие в дефинициях синонимичных наречий, например: *регулярный* – «1. Равномерно и правильно происходящий, производящийся» [12, с. 695], т. е. «происходящий *регулярно*»; *постепенный* – «Совершающийся без резких изменений, в известной последовательности, не сразу» [12, с. 323], т. е. «совершающийся *постепенно*»; *внезапный* – «Наступивший, происшедший вдруг, неожиданно» [11, с. 188], ср. здесь же *внезапно* – «Неожиданно, вдруг», т. е. «происшедший *внезапно*» и т. п.

Описанная выше для прилагательного *быстрый* динамика значений, очевидно, реальна для многих слов. Ср., например, возможность такой цепочки словообразовательной и семантической деривации: *частый* предмет (гребень, забор) → *часто* располагаться в пространстве (стоять, расти) → *часто* происходить во времени (встречаться, спорить) → *частые* действия, события (встречи, споры), а также их участники (гости). Для прилагательного *частый* значение «такой, который происходит *часто*» становится первичным для современного языкового сознания, и хотя классические словари указывают первым значение «Состоящий из близко друг к другу расположенных однородных предметов или частиц» [13, с. 655], актуальные словари уже отражают динамику семантической структуры прилагательного. Так, например, Викисловарь в качестве первичного дает значение «Происходящий, повторяющийся через короткие промежутки времени» [19], что в словообразовательно-семантической интерпретации выглядит как «происходящий, повторяющийся часто».

Косвенным подтверждением того, что в парах с наречиями такого типа именно они, а не прилагательные являются семантически исходными, мотивирующими, может служить и тот факт, что в современном русском языке показатель частотности у наречий выше, чем у прилагательных. Так, по данным «Нового частотного словаря

русской лексики» [7], в приведенных примерах соотношение выглядит следующим образом: *быстро* – 255,7 / *быстрый* – 119,8; *медленно* – 115,4 / *медленный* – 25,9; *постепенно* – 91,7 / *постепенный* – 10,6; *внезапно* – 54,2 / *внезапный* – 23,1; *регулярно* – 29,7 / *регулярный* – 19,4; *часто* – 257,8 / *частый* – 114,6 и т.д. В то же время в парах из первой группы показатель частотности, наоборот, как правило, выше у прилагательных, чем у наречий: *острый* – 85,1 / *остро* – 20,2; *тонкий* – 112,4 / *тонко* – 11,0; *крупный* – 217,3 / *крупно* – 6,1; *густой* – 47,2 / *густо* – 14,1; *неровный* – 8,6 / *неровно* – 2,2; *чистый* – 159,0 / *чисто* – 56,2 и т.д.

Даже при том, что в указанном словаре при подсчетах не разграничиваются наречия и предикативы и в принципе не может быть учтена многозначность прилагательных и наречий, приведенные цифры, на наш взгляд, отражают общую тенденцию: изосемические слова (в первой группе пар – это прилагательные, а во второй – наречия) выступают как более частотные по сравнению со своими синтаксическими дериватами. Ср. в этой связи и показатели членов упомянутой выше глагольно-именной пары: *бежать* – 143,6 и *бегать* – 59,2 / *бег* – 18,3.

В связи с дифференциацией в парах с прилагательным и наречием на –о противоположных направлений семантической мотивации укажем на представленное в работах И. С. Улуханова разграничение прямой и конверсивной транспозиции в парах типа а) *нападать* → *нападение*, но *атака* → *атаковать*; б) *смелый* → *смелость*, но *мужество* → *мужественный*; в) *ежедневный* → *ежедневно*, но *вчера* → *вчерашний* [15, с. 150–157]. Как видим, в таком подходе есть отличия от предложенного в «Русской грамматике» (авторы раздела «Словообразование» – В. В. Лопатин, И. С. Улуханов), а именно: не только пары типа в), но и пары типа а) и б) подводятся всё-таки под формальный критерий. При этом, однако, рассматриваются и собственно семантические отношения между членами пар с противоположными направлениями производности и устанавливаются важные смысловые нюансы [см. также 4; 14]. В подобном внимании, а не просто в постановке знака равенства между значениями слов нуждаются, как мы попытались показать, и пары анализируемого нами типа.

Установление не только отадъективного, но и отадвербиального направления семантической мотивации предполагает согласование этого вывода с формальной стороной деривации. И здесь возможны варианты интерпретации, но обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной статьи.

Выводы. Традиционное описание словообразовательных пар с прилагательным и наречием на –о как состоящих из слов с тождественным лексическим значением не дает возможности дифференцировать в их составе пары с различным характером семантических отношений между членами. В то же время сопоставление прилагательного и наречия под углом соответствия / несоответствия их лексического значения категориальному значению «признак предмета» (у прилагательного) или «признак действия» (у наречия) позволяет выявить пары с противоположными направлениями смысловой мотивации. В парах с изосемическим прилагательным и неизосемическим наречием – вектор отадъективный, а в парах с изосемическим наречием и неизосемическим прилагательным – отадвербиальный. Рассмотренными в статье типами разнообразия содержательных связей между членами пар не исчерпывается, но по крайней мере, как нам кажется, демонстрируется их неоднобразие. Дальнейшее углубление данного ракурса исследования может дать интересные результаты и существенно дополнить представления о деривации в кругу слов с признаковым значением.

Список использованной литературы

1. Белова Н. В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и её семантико-коммуникативный потенциал : на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Наталья Викторовна Белова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2007. – 25 с. ; Belova N. V. Slovoobrazovatel'naya transpozitsionnaya paradigma russkikh prilagatelnykh i ee semantiko-kommunikativnyy potentsial : na materiale prilagatelnykh so znacheniem tsveta i intensivnosti : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : spets. 10.02.01 / Natalya Viktorovna Belova ; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. – Moskva, 2007. – 25 s.

2. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова ; под общ. ред. Г. А. Золотовой. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. – 544 с. ; Zolotova G. A. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka / G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova ; pod obshch. red. G. A. Zolotovoy. – Moskva : Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2004. – 544 s.

3. Князев Ю. П. Синтаксическая деривация и части речи / Ю. П. Князев // Жизнь языка : сб. статей к 80-летию М. В. Панова. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – С. 88–92 ; Knyazev Yu. P. Sintaksicheskaya derivatsiya i chasti rechi / Yu. P. Knyazev // Zhizn yazyka : sb. statey k 80-letiyu M. V. Panova. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kultury, 2001. – S. 88–92.

4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. ; Kubryakova Ye. S. Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke : chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira / Ye. S. Kubryakova. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. – 560 s.

5. Кустова Г. И. Прилагательное [Электронный ресурс] / Г. И. Кустова // Русская корпусная грамматика. – Режим доступа : <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5> ; Kustova G. I. Prilagatelnoe [Elektronnyy resurs] / G. I. Kustova // Russkaya korpusnaya grammatika. – Rezhim dostupa : <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B5>

6. Летучий А. Б. Предикатив [Электронный ресурс] / А. Б. Летучий // Русская корпусная грамматика. – Режим доступа : <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2> ; Letuchiy A. B. Predikativ [Elektronnyy resurs] / A. B. Letuchiy // Russkaya korpusnaya grammatika. – Rezhim dostupa : <http://rusgram.ru/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2>

7. Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс] / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва : Азбуковник, 2009. – Режим доступа : <http://dict.ruslang.ru/freq.php> ; Lyashevskaya O. N. Novyy chastotnyy slovar russkoj leksiki [Elektronnyy resurs] / O. N. Lyashevskaya, S. A. Sharov. – Moskva : Azbukovnik, 2009. – Rezhim dostupa : <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

8. Мединська Н. М. Семантико-граматична диференціація ознакових слів : автореф. дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.02.01 / Наталія Миколаївна Мединська ; Ін-т української мови НАН України. – Київ, 2018. – 40 с. ; Medynska N. M. Semantiko-

hramatychna dyferentsiatsiia oznakovykh sliv : avtoref. dys. ... dokt. filol. nauk : spets. 10.02.01 / Nataliia Mykolaivna Medynska ; In-t ukrainskoi movy NAN Ukrainy. – Kyiv, 2018. – 40 s.

9. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия : автореф. дис. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 / Федор Иванович Панков ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2009. – 49 с. ; Pankov F. I. Funktsionalno-kommunikativnaya grammatika russkogo narechiya : avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk : spets. 10.02.01 / Fedor Ivanovich Pankov ; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. – Moskva, 2009. – 49 s.

10. Русская грамматика : в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с. ; Russkaya grammatika : v 2-kh t. / pod red. N. Yu. Shvedovoy. – Moskva : Nauka, 1980. – Т. 1 : Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya. – 783 s.

11. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Рус. яз., 1981. – Т. 1 : А–Й. – 696 с. ; Slovar russkogo yazyka : v 4-kh t. / pod red. A. P. Yevgenevoy. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : Rus. yaz., 1981. – Т. 1 : А–Й. – 696 s.

12. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз., 1987. – Т. 3 : П–Р. – 750 с. ; Slovar russkogo yazyka : v 4-kh t. / pod red. A. P. Yevgenevoy. – 3-e izd., stereotyp. – Moskva : Rus. yaz., 1987. – Т. 3 : P–R. – 750 s.

13. Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз., 1988. – Т. 4 : С–Я. – 797 с. ; Slovar russkogo yazyka : v 4-kh t. / pod red. A. P. Yevgenevoy. – 2-e izd., stereotyp. – Moskva : Rus. yaz., 1988. – Т. 4 : S–Ya. – 797 s.

14. Ташлыкова М. Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации» : моногр. / М. Б. Ташлыкова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 277 с. ; Tashlykova M. B. Semanticheskie etyudy o «sintaksicheskoy derivatsii» : monogr. / M. B. Tashlykova. – Irkutsk : Izd-vo IGU, 2013. – 277 s.

15. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1996. – 221 с. ; Ulukhanov I. S. Yedynitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya / I. S. Ulukhanov. – Moskva : Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, 1996. – 221 s.

16. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов ; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – Москва : Азбуковник, 2005. – 314 с. ; Ulukhanov I. S. Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka / I. S. Ulukhanov ; In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN. – Moskva : Azbukovnik, 2005. – 314 s.

17. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – Москва : Азбуковник, 2003. – 304 с. ; Filipenko M. V. Semantika narechiy i adverbialnykh vyrazheniy / M. V. Filipenko. – Moskva : Azbukovnik, 2003. – 304 s.

18. Циммерлинг А. В. Предикативы и качественные наречия : классы слов и направления деривации / А. В. Циммерлинг // Русистика на пороге XXI века : проблемы и перспективы : материалы междунар. науч. конф, г. Москва, 8-10 июня 2002 г. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2003. – С. 54–59 ; Tsimmerling A. V. Predikativy i kachestvennye narechiya : klassy slov i napravleniya derivatsii / A. V. Tsimmerling

// Rusistika na poroge XXI veka : problemy i perspektivy : materialy mezhdunar. nauch. konf, g. Moskva, 8-10 iyunya 2002 g. – Moskva : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2003. – S. 54–59.

19. Частый [Электронный ресурс] // Викисловарь – Режим доступа : <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%B9> ;

Chastyy [Elektronnyy resurs] // Wikislovar – Rezhim dostupa : <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%B9>

Статья поступила в редакцию 10.05.2020.

L. Medvedieva

ON THE OPPOSITE DIRECTIONS OF SEMANTIC MOTIVATION IN ADJECTIVE / ADVERB DERIVATIONAL PAIRS IN RUSSIAN

*The paper analyses semantic relationships in adjective / adverb (ending in –o) derivational pairs in the Modern Russian language in terms of the direction of their motivation. The adverbial element in the derivational pairs is represented by adverbs describing the manner of an action. Derivational pairs such as острый – остро, быстрый – быстро refer to syntactic derivation and include words with the same lexical meaning. Thus, the direction of semantic motivation is irrelevant in this case, and adverbs are seen as derivatives on the basis of their formal compoundness. This approach prevents differentiation of derivational pairs in which the nature of semantic relationships between elements in the pair differ. However, the differentiation is possible if 1) the meanings of the related adjectives and adverbs are seen as close, but not the same; 2) in word comparison, the criterion of conformity / non-conformity of their lexical semantics with the categorial meaning of the part of speech is applied. This criterion, which is well-established in the pairs of бежать – бег, острый – острота type in connection with the notion of folded proposition and which underlies the differentiation of isosemic and non-isosemic subclasses of nouns, is not easily extrapolated to the derivational pairs where both words have the categorial meaning of a modifier. Even so, correlating the lexical meanings of adjectives with modifying an object and the lexical meanings of adverbs with modifying an action reveals derivational pairs with opposite directions of semantic motivation. Forming adverbs from adjectives is a common direction in the pairs where the adjective describes an innate feature of the object, e.g. the shape, size, colour, etc., and the adverb describes the action not by its own characteristics, but by relating to the relevant feature of the object: **острый** нож → **остро** наточить нож meaning ‘так, что нож **острый**’. Forming adjectives from adverbs is a normal direction in the pairs where the adverb gives a characteristic of the action, e.g. speed or other peculiarities of the action unfolding in time, while the adjective renders a feature of an abstract action: **быстро** бежать → **быстрый** бег, meaning ‘такой, который происходит **быстро**’. Diachronically, derivational and semantic motivation is generated from the feature of a concrete object: **быстрый** конь → **быстро** бежит → **быстрый** бег, but in Modern Russian, the latter is primary, while **быстрый** конь comes secondary and is motivated by the meaning of the adverb. The indirect proof that in some pairs the adjective is the base, while in others it is the adverb can be given by the correlation of frequency scores of elements in the derivational pairs, i.e. in the derivational pairs of острый → остро, крупный → крупно type, adjectives are more frequent, and in the derivational pairs of быстро → быстрый, внезапно → внезапный type, adverbs show higher frequency. The analysis shows the need for further research of the semantic aspect of word-formation relationships between words with the categorial meaning of a modifier.*

Key words: Russian language, word-formation, adjective / adverb derivational pairs, semantic motivation.

Л. О. Медведєва

**ПРО ПРОТИЛЕЖНІ НАПРЯМКИ СЕМАНТИЧНОЇ МОТИВАЦІЇ
В СЛОВОТВІРНИХ ПАРАХ «ПРИКМЕТНИК - ПРИСЛІВНИК»
У РОСІЙСЬКІЙ МОВІ**

У статті проаналізовано семантичні відношення у словотвірних парах з прикметником та прислівником на –о в сучасній російській мові в аспекті напрямку смислової мотивації. У якості адвербіального компонента розглянуто «класичні» прислівники з категоріальним значенням «ознака дії». Традиційно пари типу *острый – остро, быстрый – быстро* відносять до синтаксичної деривації та інтерпретують як такі, що складаються зі слів із тотожними лексичними значеннями. На цій підставі питання про напрямок семантичної мотивації не ставиться, а похідними визнають прислівники з огляду на їх більшу формальну складність. Такий підхід перешкоджає диференціації словотвірних пар з різним характером семантичних зв'язків між членами. Ця можливість з'являється, якщо 1) розглядати значення споріднених прикметників і прислівників як близькі, але нетотожні; 2) зіставляти слова, застосовуючи критерій відповідності / невідповідності їх лексичної семантики категоріальному значенню частини мови. Цей критерій, ґрунтовно розроблений щодо пар типу *бежать – бег, острый – острота* у зв'язку з поняттям згорнутої пропозиції й покладений в основу розмежування ізосемічних та неізосемічних підкласів іменників, складніше екстраполювати на пари, де обидва слова мають категоріальне значення ознаки. Проте, якщо співвідносити лексичні значення прикметників зі значенням «ознака предмету», а лексичні значення прислівників – зі значенням «ознака дії», то можна виявити пари з протилежними напрямками семантичної мотивації. Відад'єктивний вектор – у парах, де прикметник називає ознаку, онтологічно притаманну предмету, як, наприклад, *форма, розмір, колір та ін.*, а прислівник характеризує дію не за її власною ознакою, а через вказівку на зв'язок з відповідною ознакою предмету: *острый нож → остро* наточить нож означає «так, что нож **острый**». Відадвербіальний вектор – у парах, де прислівник називає ознаку саме дії, як, наприклад, *швидкість чи інші особливості розгортання дії у часі*, а прикметник передає ознаку абстрактної дії: *быстро бежать → быстрый бег*, тобто «такой, который происходит **быстро**». У діяхронічному аспекті словотвірно-семантична мотивація відитовхувалася від ознаки справжнього предмета: *быстрый конь → быстро бежит → быстрый бег*, але в сучасній російській мові останнє значення у прикметника є первинним, а значення **быстрый** конь – вторинним і теж виводиться через значення прислівника. Опосередкованим підтвердженням того, що в одних парах семантично вихідним є прикметник, а в інших – прислівник, може бути співвідношення показників частотності членів пар, а саме: у парах типу *острый → остро, крупный → крупно* більш частотні прикметники, а в парах типу *быстро → быстрый, внезапно → внезапный* – прислівники. Проведений аналіз спонукає до подальшого вивчення змістовної сторони словотвірних зв'язків між словами з ознаковим значенням.

Ключові слова: російська мова, словотвір, словотвірні пари «прикметник – прислівник», семантична мотивація.